

жающих основные синтаксические процессы и отношения в синтаксической системе.

Этот аппарат представляется весьма перспективным, позволяющим фиксировать разнообразные изменения функций отдельных языковых комплексов. Не видно, правда, никакой необходимости, кроме чисто декоративной, называть «атомы» этого аппарата «семионами». Вызывает сомнение необходимость включения символа для комментива, содержание которого еще не вполне выяснено в синтаксической теории.

Нельзя не обратить внимания на то, что многие детали аппарата семантических преобразований напоминают инструментарий модели «смысл — текст», разрабатываемый А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком (ср. конверсивные предикаты и конверсивы, каузатив и семантический параметр CAUS и многие другие соответствия). К сожалению, во многих случаях аналогичные понятия получают в модели Шаумяна совсем другие наименования, чем в модели Мельчука — Жолковского. Нам представляется в высшей степени желательным объединение усилий названных авторов, безусловно идущих к общей цели.

5—6. Аппликативное дерево. Эта модель дает возможность символической записи соотношений иерархической зависимости компонентов предложения с их линейным расположением как в динамике перехода от одного уровня к другому, так и в их одновременном символическом представлении. Аппликативное дерево дает также генотипический эталон для определения своеобразий языков в области порядка слов. У нас нет сомнений, что аппликативное дерево более совершенно и информативно, чем дерево НС или дерево зависимости, а перспективность его проверки несомненна. Следует отметить, что аппликативное дерево представляет возможности и для изучения актуального членения предложения.

7. Абстрактная фенотипическая аппликативная грамматика на русском материале представляет собой запись соотношения генотипических структур с фенотипическими, более богатыми и разнообразными в силу наличия предложноподлежащих форм, категорий числа, рода, глагольного вида, морфемного состава элементов и других категорий естественного языка. Образцы анализа конкретного материала, представленные на стр. 89, 100, при соответствующей интерпретации могут быть использованы для исследования сочетаемости лексем в современном русском языке.

Возможность сопоставления фенотипических языков на фоне генотипического имеет большое теоретическое и практическое значение. Поэтому разработка символики генотипического языка и методики перехода от нее к символике фенотипического языка заслуживает всяческого поощрения.

В заключение этой части рецензии мы еще раз отмечаем, что не видим в модели Шаумяна математического исчисления и потому не одобряем желания автора связать серию разработанных им систем символической записи тонкой иточкой терминологии и изоморфностью отдельных приемов записи в некую математикообразную систему якобы единого исчисления. Что же касается каждой из систем символической записи, то мы высоко оцениваем лингвистическую применимость системы эписемионов (1), семантическую систему (3—4), аппликативное дерево (5—6). Система семионов (2) представляется нам технически сложной и невыразительной, а потому неудобной для применения. Она с успехом может быть заменена разработанной ранее системой R-образов.

Обратимся к философской части рецензируемой книги. В ней автор на конкретном примере своей аппликативной модели обосновывает лингвистическую реальность постулируемых в целях исследования конструкций, т. е. логических построений относительно тех явлений, которые не даны в прямом наблюдении (стр. 8).

Существуют ли конструкции в объективной реальности и в каком смысле?

Не вызывает сомнения, что построение генотипического языка (языка-эталона, символического языка лингвистических универсалий) — наиболее актуальная задача современных семантических, типологических, структурно-сопоставительных исследований. Без четкого формализованного метаязыка сейчас уже невозможно грамотно обсуждать основные проблемы современной лингвистики и продвигаться в их решении. Поэтому все соображения, выдвинутые С. К. Шаумяном в защиту такого метаязыка (стр. 10—11, стр. 147 и др.), представляются нам бесспорными, а вклад самого С. К. Шаумяна в его создание более чем значительным. Но отдельные частности в характеристике соотношения генотипического языка с фенотипическим допускают, на наш взгляд, иные философские интерпретации, чем те, которые содержатся в рецензируемой книге.

Создание генотипического языка С. К. Шаумян считает реконструкцией (стр. 13), исходя из гипотезы о том, что такой язык существует объективно, но не дан ученому в прямом наблюдении и потому реконструируется им на уровне гипотезы (одной из ряда других, также возможных).

Более предпочтительно, однако, понимание генотипического языка как инструмента исследования, создаваемого лингвистом; в этом качестве могут существовать несколько генотипических языков, хотя в идеале желателен общепринятый язык, чтобы лингвисты разных направлений и стран могли понимать друг друга.

Утверждение о всеобщей мере смысла (стр. 32) в генотипическом языке может быть принято как методический прием для отсчета и фиксации языковых колебаний смыслов, но не как аналогия с деньгами —